

FB2: "golma1 ", 2009-02-04, version 1.0

UUID: 7B51162A-5813-40AB-935B-2415C1DA8D9D

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Брюсов

Последние мечты

Содержание

ДУША ИСТАИВАЕТ.....	0005
В ГОРНОМ СВЕТЕ.....	0005
ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ.....	0007
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ.....	0008
УЧЕНИК ОРФЕЯ.....	0010
СОРОК ПЯТЫЙ РАЗ.....	0012
ЖИТЬ НА ВОЛЕ.....	0014
ЗОВ АВТОМОБИЛЯ.....	0014
ЛУННАЯ НОЧЬ.....	0015
СОЛНЦЕВОРОТ.....	0016
БЛАГОВЕСТЬ ВЕСЕННЕГО УТРА.....	0017
АПРЕЛЬСКИЙ ХМЕЛЬ.....	0019
ВЕСНЯНКА.....	0021
ПЕРЕД МАЕМ.....	0022
ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ.....	0024
ЕДИНОЕ СЧАСТЬЕ — РАБОТА!.....	0026
РАБОТА.....	0026
ПОКА ЕСТЬ НЕБО.....	0028
ПУСТЬ ПРЕД ОКНОМ МОИМ.....	0029
ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ.....	0031
ОБРАЗЫ СВЯТЫЕ.....	0033
БИБЛИЯ.....	0033
ТРИ ЯБЛОКА.....	0035
АРИАДНА.....	0036
ЖАЛОБА ФЕССЕЯ.....	0036

АРИАДНА	0038
МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ	0039
ЭТО ВСЕ — КОШМАР!	0042
КОШМАР	0042
ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ	0043
БИБЛИОТЕКИ	0044
НАУТРО ПОСЛЕ ШАБАША	0045
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ	0046
ПЕРЕД ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЙ	0047
МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ	0049
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА	0049
ПРАЗДНИКИ	0051
ДЕТСКАЯ СПЕВКА	0053
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	0054
СОНЕТЫ	0056
МИГИ	0056
НАРЯД ВЕСНЫ	0057
НА ПОЛУСТАНКЕ	0058
МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА	0059
БЕГЛЕЦЫ	0060
МЕМЕНТО MORI Импровизация в кафе «Десятая муза» 14 мая 1918 г	0061

Валерий Брюсов
ПОСЛЕДНИЕ МЕЧТЫ
1917–1919

ДУША ИСТАИВАЕТ...

В ГОРНЕМ СВЕТЕ

Я сознаю, что постепенно
Душа истаивает. Мгла
Ложится в ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — светла!
Бывало, жизнь мугили страсти,
Как черный вихрь морскую гладь;
Я, у враждебных чувств во власти,
То жаждал мстить, то мог рыдать.
Но, как орел в горах Кавказа,
За кругом круг, уходит ввысь,
Чтоб скрыться от людского глаза, —
Желанья выше вознеслись!
Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю;
Я никого не ненавижу
И — страшно мыслить — не люблю!
Но, с высоты полета, бездны
Открыты мне — былых веков:
Судьбы мне внятен ход железный
И вопль умолкших голосов.

Прошедшее, как дно морское,
Узором стелется вдали;
Там баснословных дней герои
Идут, как строем корабли.
Вникая в смысл тысячелетий,
В заветы презренных наук,
Я словно слышу, в горнем свете,
Планетных сфер певучий звук;
И, прежнему призыванью верен,
Тот звук переливаю в стих,
Чтоб он, отчетлив и размерен,
Пел правду новых снов моих!
Июль 1918

ПРОРОЧЕСТВА ВЕСНЫ

В дни отрочества, я пророчествам
Весны восторженно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, еще сыром, блуждал.
Как арка, небо над мятежником
Синело майской глубиной,
И в каждом шорохе и шелесте,
Ступая вольно по валежникам,
Я слышал голос над собой:
Все пело, полно вешней прелести;
«Живи! люби! иди вперед!
Ищи борьбы, душа крылатая,
И, как Самсон из львиной челюсти,
Добудь из грозной жизни — мед!»
И вновь весна, но — сорок пятая...
Все тот же вешний блеск вокруг:
Все так же глубь небес — божественна;
Все та ж листва, никем не смятая;
Как прежде, свеж и зелен луг!
Весна во всем осталась девственной;
Что для земли десятки лет!
Лишь я принес тоску случайную

На праздник радости естественной,—
Лишь я — иной, под гнетом лет!
Что ж! Пусть не мед, а горечь тайную
Собрал я в чашу бытия!
Сквозь боль души весну приветствую
И на призыв земли ответствую,
Как прежде, светлой песней я!
1918

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит,—
Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.
Море — змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.
Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.
Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,

Клеветам забытых мной врагов...
Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и гибельных страстей:
Все мечты приемлю до последней,—
Каждый стон и стих, как мать — детей.
Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»
И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь — за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!
Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, — усталым,
Но готовым вновь — страдать и жить!

3 января 1918

УЧЕНИК ОРФЕЯ

Я всюду цепи строф лелеял,
Я ветру вслух твердил стихи,
Чтоб он в степи их, взвив, развеял,
Где спят, снам веря, пастухи;
Просил у эхо рифм ответных,
В ущельях гор, в тиши яйлы;
Искал черед венков сонетных
В прибое, бьющем в мол валы;
Ловил в немолчном шуме моря
Метр тех своих живых баллад,
Где ласку счастья, жгучесть горя
Вложить в античный миф был рад;
В столичном грозном гуле тоже,
Когда, гремя, звеня, стуча,
Играет Город в жизнь, — прохожий,
Я брел, напев стихов шепча;
Гудки авто, звонки трамвая,
Стук, топот, ропот, бег колес,—
В поэмы страсти, в песни мая
Вливали смутный лепет грез.
Все звуки жизни и природы
Я облекать в размер привык:
Плеск речек, гром, свист непогоды,

Треск ружей, баррикадный крик.
Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.
Орфей, сын бога, мой учитель,
Меж тигров так когда-то пел...
Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.
Но диким криком гимн Менады
Покрыли, сбили лавр венца;
Взвив тирсы, рвали без пощады
Грудь в ад сходявшего певца.
Так мне ль осилить взвизг трамвайный.
Моторов вопль, рев толп людских?
Жду, на какой строфе случайной
Я, с жизнью, оборву свой стих.
20/7 февраля 1918

СОРОК ПЯТЫЙ РАЗ

Весенней ночью встречу звон пасхальный
Я сорок пятый раз...

И вот мечта, вскрывая сумрак дальний,
Лепечет свой рассказ.

Об том, как в детстве золотились нежно
Все праздничные дни;

Как в юности огнем любви мятежно
Томили дух они;

Как позже, злобно нападали змеи
Безумства и страстей,

В весенний праздник выползая злее
Со всех моих путей...

Вновь вижу: двое, в звоне колокольном,
Укрылись в темноту,

А на окне, пред взором богомольным,
Ветвь яблони в цвету...

Вновь вижу поле дальнее... ракета,
Взлетя, прожгла эфир...

И с перезвоном робким слился где-то
Рёв пушек и мортир.

Вновь вижу ночь семнадцатого года.
Прекрасна и светла;

Толпу пасхальную ведет Свобода,

Раскинув два крыла...

Что ж принесет мне праздник сорок пятый?

О если б глубь небес

Родному краю крикнула трикраты:

«Воистину воскрес!»

1918

ЖИТЬ НА ВОЛЕ...

ЗОВ АВТОМОБИЛЯ

Призыв протяжный и двухнотный
Автомобильного гудка...
И снова манит безотчетно
К далеким странствиям — тоска.
То лесом, то в полях открытых
Лететь, бросая версты вспять;
У станций старых, позабытых,
Раскинув лагерь, отдохнуть!
Когда в дороге лопнет шина,
Стоять в таинственном лесу,
Где сосны, да кусты, да глина,
А солнце серебрит росу.
А в холод в поле незнакомом,
От ветра кроясь за стеклом,
Смотреть, как вихрь над буреломом
Бросает новый бурелом.
Иль ночью, в дерзостном разбеге,
Прорезывая мглу полей,
Без мысли об ином ночлеге,
Дремать под трепет фонарей!

Скользя, как метеор, деревней,
Миг жизни видеть невзначай,
И встречным прогудеть напевней,
Чем голос девушки: «Прощай!»
И, смелые виражи в поле
Срезая, вновь взлетать на склон,
И вновь гудеть, и жить на воле
Кентавром сказочных времен!
Сентябрь]917

ЛУННАЯ НОЧЬ

— *Банально, как лунная ночь...*
Juvenilia

Смотрю, дыша травой и мятой,
Как стали тени туч белей,
Как льется свет, чуть синеватый,
В лиловый мрак ночных полей.
Закат погас в бесцветной вспышке,
И, прежде алый, шар луны,
Как бледный страж небесной вышки,
Стоит, лучом лелея сны.
Былинки живы свежим блеском,
Лес ожил, и живет ручей,
Бросая искры каждым всплеском,—

Змей — лента водяных лучей.
Час волшебством мечты пропитан,—
Лука, деревья, воздух, даль...
Сердца томит он, мысль пьянит он:
Везде — восторг, во всем — печаль!
И, лунной ночи полня чары,
Вливает песню в тишь ветвей
(Банальный гимн, как зов гитары!)
Друг всех влюбленных, соловей.
1917

СОЛНЦЕВОРОТ

Была зима; лежали плотно
Снега над взрытостью полей.
Над зыбкой глубиной болотной
Скользили, выводя изгибы,
Полозья ровные саней.
Была зима; и спали рыбы
Под твердым, неподвижным льдом.
И даже вихри не смогли бы,
В зерне замерзшем и холодном,
Жизнь пробудить своим бичом!
Час пробил; Чудом очередным,
Сквозь смерть, о мае вспомнил год.
Над миром белым и бесплодным

Шепнул какой-то нежный голос;
«Опять пришел солнцеворот!»
И под землю, зерна, чуя
Грядущей жизни благодать,
Очнулись, нежась и тоскуя,
И вновь готов безвестный колос
Расти, цвести и умирать!
17 октября 1917

БЛАГОВЕСТЬ ВЕСЕННЕГО УТРА

Утро. Душа умиленно
Благовесть солнечный слышит,
Звоны весенних лучей,
Всё отвечает созвонно:
Липы, что ветер колышет,
Луг, что ромашками вышит,
Звучно-журчащий ручей...
Воздух отзвучьями дышит
Где-то стучащих мечей.
Гулко зовя богомольца,
Звоны со звонами спорят.
Солнце гудит, как набат,
В травах бренчат колокольца.
Им колокольчики вторят,
Тучки, что небо узорят,

В сто бубенцов говорят.
Зов звонари то ускорят,
То, замедляя, звонят.
Солнце восходит все выше.
Ярче, ясней, полновесней
Голос наставшего дня.
Гулы набата все тише,
Бой перезвонов чудесней:
Скрыты серебряной песней
Медные гуды огня.
Небо взывает: «Воскресни»,
Миру лазурью звеня.
1918

АПРЕЛЬСКИЙ ХМЕЛЬ

Лиловые тени легли по последнему снегу,
Журча, по наклонам сбежали ручьями
сугробы,

Развевал по воздуху вечер истому и негу,
Апрель над зимой торжествует без гнева и
злобы.

Апрель! Но вокруг все объято предчувстви-
ем мая,

И ночь обещает быть ясной, и теплой, и
звездной...

Ах, тысячи юношей, нежно подругу сжи-
мая,

Свой взор наклоняют теперь над обманчи-
вой бездной.

Весна их пьянит, как пьянила и в глубях
столетий,

В жестокие темные годы пещерного века,
Когда первобытные люди играли, как дети,
И мамонт бродячий был грозным врагом
человека.

Быть может, вот здесь, где длинеют лило-
вые тени,

Наш пращур суровый, в любовном востор-

женном хмеле,

На тающий снег преклоняя нагие колени,

К возлюбленной девушке ник, в тихий вечер,
в апреле!

Вот солнце краснеет, скользя за черту кругозора,

Под ласковым ветром дрожат заалевшие ветки...

Вы, девы и юноши! май нас обрадует скоро:

Дышите весной, как дышали далекие предки.

26 апреля 1919

ВЕСНЯНКА

Лишь на севере мы ценим
Весь восторг весны,—
Вешней неги не обменим
На иные сны.
После долгой ночи зимней
Нежен вешний день,
Ткани мглы гостеприимней
Расстилагает тень.
Там, где землю крыл по склонам
Одноцветный снег,
Жжет глаза в лесу, зеленый
Молодой побег!
В душу к нам глядит подснежник
Взором голубым;
Даже, старый хлам, валежник
Кажется живым!
Мы весной живем, как дети,
Словно бредим вслух;
В свежих красках, в ясном свете
Оживает дух!
Каждый маю стал союзник
И врагом зимы,
Каждый счастлив, словно узник,

Выйдя из тюрьмы!

1918

ПЕРЕД МАЕМ

Под землей, под слоем снега,
Верит сонное зерно,
Что весной воде, с разбега,
Разбудить поля дано;
Что рассветной песней птицы
Снова станут славить лес;
И, в ночной игре, зарницы
Раскрывать узор небес;
Что зеленых трав изгибы
Запах мяты разольют,
И, хвостом виляя, рыбы
Заколышут ближний пруд!
Спит зерно и грезит маем,
В мертвой мгле и в тишине...
Разве так же мы не знаем,
Что зима ведет к весне?
Так чего ж еще нам надо,—
Если всех любовно ждет
Майских радостей награда
За тоску и белый гнет!
Как же может ночь печалить,

Будь она черна, долга,
Если утром нежно жалить
Должен алый луч снега.
Зерна верят. Будем верить
Златоцветным дням и мы!
И к чему бесплодно мерить
Сроки ночи и зимы?
Пусть во мраке, — ты ли, я ли,—
Но дождется кто-то дня:
Все мы видели, все знали
Шар свободного огня!
Трепет жизни, жажда воли
Им незримо в нас влита.
В миг конца не все равно ли
Май иль майская мечта!
16 января. 1918

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ

В снежной мгле утрюмы вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий...

Та же ль ночь, в иных краях, на юге,
Вся дрожит, надев убор созвездий?
Там, лучистым сферам дружно вторя,
Снизу воды белым блеском светят;
Легкой тенью режа фосфор моря,
Челны след чертой огнистой метят.
Жарким ветром с пальм уснувших веет,
Свежей дрожью с далей водных тянет...
В звездных снах душа мечтать не смеет,
Мыслей нет, но ум чудесно занят.
Вот — летят, сверкнув как пламя, рыбы,
Вот — плеск весел пылью искр осыпан;
Берег — ярок, в искрах — все изгибы,
Ясный мрак игрой лучей пропитан.
В небе, в море, в сердце — всюду вспышки,
Мир — в огне не жгучем жив; воочью
Люди чудо видят... Там, в излишке
Счастья, смерть — желанна этой ночью!
Челн застыл, горя в волшебном круге;
Южный Крест царит в ряду созвездий...

Чу! вблизи глухие вопли вьюги,
Всем сулят, с проклятьем, час возмездий.
17 января 1918

ЕДИНОЕ СЧАСТЬЕ — РАБОТА!

РАБОТА

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом!
Иди неуклонно за плугом,
Рассчитывай взмахи косы,
Клонись к лошадиным подругам,
Доколь не заблещут над лугом
Алмазы вечерней росы!
На фабрике в шуме стозвонном
Машин, и колес, и ремней
Заполни с лицом непреклонным
Свой день, в череду миллионном,
Рабочих, преемственных дней!
Иль — согнут над белой страницей,—
Что сердце диктует, пиши;
Пусть небо зажжется денницей,—
Всю ночь выводи вереницей

Заветные мысли души!
Посеянный хлеб разойдется
По миру; с гудящих станков
Поток животворный польется;
Печатная мысль отзовется
Во глуби бессчетных умов.
Работай! Незримо, чудесно
Работа, как сев, прорастет:
Что станет с плодами, — неизвестно,
Но благостно, влагой небесной,
Труд всякий падет на народ!
Великая радость — работа,
В полях, за станком, за столом!
Работай до жаркого пота,
Работай без лишнего счета,—
Все счастье земли — за трудом!

18 сентября 1917

ПОКА ЕСТЬ НЕБО

Пока есть небо, будь доволен!
Пока есть море, счастлив будь!
Пока простор полей раздолен,
Мир славить песней не забудь!
Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пеньем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!
В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;
И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;
Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.
Везде — торжественно и чудно,
Везде — сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,

Зимой — в раздольях пустоты;
Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола;
А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все — зовы грез, все — зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать — умей.
Октябрь 1917

ПУСТЬ ПРЕД ОКНОМ МОИМ...

Пусть пред окном моим не взносит
Юнгфрау купол вековой,
И знаю, что закат не бросит
Змей на лагуны предо мной;
Пусть нынче с гондол не окликнут
Меня коварно, и в уют,
Где над палаткой пальмы никнут,
Под вечер не помчит верблюду;
Деревья чахлого бульвара
Да стены строгие домов,—
Вот сумрачно-немые чары
Всех наших дней, всех наших снов.
Но так же пламенны закаты,

И то же золото зари.
Там, где домами дали сжаты
И встали строем фонари;
И пляска радужных пылинок
В луче все та же — у окна;
И белые рои снежинок
Все так же серебрят луна;
Причудливо ползут туманы
Вдоль улиц, и ночная мгла
То множит странные обманы,
То, летом, призрачно бела.
Торжественно река струится,
Стучась в столицах о гранит,
И мир созвездий в ней глядится,
Храня величественный вид.
Над площадями полн величий
Колоколов ночной псалом,
А утром, в сквере, голос птичий
Так бодро-весел за окном.
1917

ГОЛОС ИНЫХ МИРОВ

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на светы множит;
Вглядись покорно в чудеса,—
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,
И миг в безбрежном изнеможет!
Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смирняя властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом — смежность
Других миров, что там — края,
Где тоже есть любовь и нежность,

И смерть и жизнь, — кто знает, чья?
Что небо — только порубежность
Планетных сфер, даль — колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве — Неизбежность!
23 сентября 1917

ОБРАЗЫ СВЯТЫЕ

БИБЛИЯ

О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух — тебе!
В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!
Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой — искушение Змия,
С голубкой возвращенной — Ной!
Все, в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец — жив!
И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!
Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих!
Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!
И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.
Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь — алтарь пред человеком,
О Библия! о книга книг!
Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

1918

ТРИ ЯБЛОКА

Три яблока, излюбленных преданьем,
Три символа земного мятежа,
В саду веков, воссозданном сознанием,
Они горят, под ветром грез дрожа.
Ты, яблоко губительное Евы!
Ты вырвало из глаз эдемский свет,
На нас обрушив божеские гневны,—
Но было то — восстанье на запрет!
Другое—яблоко Вильгельма Теля,—
Свободы весть промчало над землей:
Одной стрелой в родного сына цели,
Стрелок в тиранов метился другой!
А третье — третье яблоко Ньютона;
Оно упало в час своей поры,
И понял ум незыблемость закона,
Что движет землю, небо и миры.
То третье яблоко вернуло рай нам,
Сравнило всех, владыку и раба,
Открыло нам дорогу к вечным тайнам,
Чтоб не страшила больше — и Судьба!

1916

АРИАДНА

ЖАЛОБА ФЕССЕЯ

Ариадна! Ариадна!
Ты, кого я на песке,
Где-то, в бездне беспощадной
Моря, бросил вдалеке!
Златоокая царевна!
Ты, кто мне вручила нить,
Чтобы путь во тьме бездневной
Лабиринта различить!
Дочь угрюмого Миноса!
Ты, кто ночью, во дворце,
Подошла — светловолосой
Тенью, с тайной на лице!
Дева мудрая и жрица
Мне неведомых богов,
В царстве вражьем, чья столица
На меня ковала ков!
И — возлюбленная! тело,
Мне предавшая вполне,
В час, когда ладья летела
По зыбям, с волны к волне!

Где ты? С кем ты? Что сказала,
Видя пенную корму,
Что, качаясь, прорезала
Заревую полутьму?
Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал — плата за услуги!—
Обманул твой мирный сон?
Стала ль ты добычей зверя
Иль змеей уязвлена,—
Страшной истине не веря,
Но поверить ей должна?
Ты клянешь иль кличешь, плача,
Жалко кудри теребя?
Или, — горькая удача!—
Принял бог лесной тебя?
Ах! ждала ль тебя могила,
Иль обжег тебя венец,—
За тебя Судьба отметила:
В море сгинул мой отец!
Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но — реешь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!
Мне покорствуют Афины;

Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд!
Победитель Минотавра,
Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!
Бросил, дерзкий! и изменой
За спасенье заплатил...
Белый остров, белой пеной
Ты ль мне кудри убелил?
1917

АРИАДНА

Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещий сон:
В теми вод белеет Накс; прозрачен
Воздух ночи; в звездах небосклон.
В страхе, встретя вокруг песок прибрежий,
Чуть привстав, царевна смотрит вниз;
А над ней, прекрасен, светел — свежий
Хмель меж кудрей — юный Дионис.
Буйным сонмом попирая зелень,
Тигров холя, тирсы лентой свив,
Фавны, нимфы, люди виноделен

Ждут царя назад, в тени олив.
Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик...
Вот схватил ее венец жемчужин.
«Ты — небес достойна!» — слышен вскрик.
В небо вскинут, вспыхнул, — семизвездье

Там венец. Бог с девой слит. Полна
Ночь их славой, — Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!
12/25 февраля 1918

МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ

В годину бед, когда народной вере
Рок слишком много ставит испытаний,—

В безмерном зале мировых преданий
Проходят призраки былых империй,
Как ряд картин на световом экране.
По Нилу мчится барка Сына Солнца;
До неба всходят башни Вавилона;
Перс возвещает землям волю с трона,—
Но дерзко рушат рати Македонца
Престол Царя Царей и Фараона.
Выходят римляне, сурово-строги.

Под стук мечей куется их держава,
И кесарских орлов не меркнет слава.
Бегут в пустынях римские дороги,
Народы рабствуют в оковах права.
Пирует Рим, льет вина, множит яства...
Вдруг варвары, как буря, злы и дики,
Спадают с гор, крушат всё в яром крике,
И, вновь пленен мечтой миродержавства,
Свой трон в руинах высит Карл Великий.
Потом, самумом пролетают в мире
Арабы, славя свой Коран; монголы
Несметным сонмом топчут высь и доли...
Над царством царства вырастают шире...
Сверкает Бонапарта меч тяжелый...
Но, жив и волен, из глухих крушений
Выходит строй народов — грозно длин-
ный:

Армяне, эллины, германцы, финны,
Славяне, персы, италийцы, — тени,
Восставшие, чтоб спеть свой гимн старин-
ный!

О, сколько царств, сжимавших мир! При-
рода

Глядит с улыбкой на державства эти:
Нет, не цари — ее родные дети!

Пусть гибнут троны, только б дух народа,
Как феникс, ожил на костре столетий!
14 марта 1918

ЭТО ВСЕ — КОШМАР!

КОШМАР

Есть в мире демон, с женственным лицом,
С когтями львицы, с телом сухопарым;
Садится к спящим он, согнут кольцом,
На грудь, и мы — зовем его Кошмаром.
Он давит нас, и вот, в тяжелом сне,
Черед видений сумрачных проходит;
Дыханье стеснено, чело в огне,
И судорога тщетно пальцы сводит.
Нам грезится ужасных ликов ряд:
Смеются дьяволы над всем заветным,
Терзают близких, алтари сквернят
И стонам вторят хохотом ответным.
Нельзя бороться и бежать нет сил:
Оковы на ногах и руки в путах,
Повсюду вскрыты пропасти могил...
Блестят из мглы орудья пыток лютых...
И вдруг мы вспомним: это все — кошмар!
Рукой свободной призраков коснемся...
Все сгинет вмиг, исчезнут страхи чар,
И мы, дрожа от радости, — проснемся!

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Олень затравленный напрасно взор молящий

Обводит вокруг, дыша прерывно, — смерть
везде;

Собаки рвутся вслед, сверкают ружья в ча-
ще...

И зверь, ища пути, бросается к воде.

Плывет, глотая пар, а сзади слышит глухо

Лай, крики, зов рогов; пес беспощадный,

ВНОВЬ

Врага догнав, ему вонзает зубы в ухо...

Окрасив зыбь реки, струей стекает кровь.

А лес кругом стоит роскошен, как бывало;

Меж камней и коряг, журча, бежит ручей;

Круг солнечный, горя торжественно и ало,

Сквозь изумруд ветвей кидает сноп лучей.

Слабея, смотрит зверь вверх, в небеса, от-

куда

Лилось тепло, и дождь, и свежесть вешних

бура;

Защита с высоты не явится ли? Чудо

Не совершится ль? — Нет! Пуста, нема ла-

зурь.

И стону слабому уже не вторит эхо...
Сквозь радугу слезы так странны берега...
Но всюду — взвизг собак, гром криков, гу-
лы смеха,

И, кроя все, поют охотничьи рога!

16 февраля 1918

БИБЛИОТЕКИ

Власть, времени сильней, затаена
В рядах страниц, на полках библиотек:
Пылая факелом во мгле, она
Порой язвит, как ядовитый дротик.
В былых столетьях чей-то ум зажег
Сверканье, — и оно доньше светит!
Иль жилы тетивы напярчь возмог,—
И в ту же цель стрела поныне метит!
Мы дышим светом отжитых веков,
Вскрывающих пред нами даль дороги,
Повсюду отблеск вдохновенных слов,—
То солнце дня, то месяц сребророгий!
Но нам дороже золотой колчан,
Певучих стрел, завещанный в страницах,
Оружие для всех времен и стран,
На всех путях, на всех земных границах.
Во мгле, куда суд жизни не достиг,

Где тени лжи извилисты и зыбки,—
Там дротик мстительный бессмертных
книг,
Веками изощрен, бьет без ошибки.
1917

НАУТРО ПОСЛЕ ШАБАША

Чу! под окошком звенят колокольчики,
Белые, синие, разных оправ;
Листья ольхи завиваются в кольчики,
Запахи веют с обрызганных трав;
Солнце ко мне проникает приветливо
Длинным лучом, между ставень, сквозь
щель;
Где-то гудит, осторожно и сметливо,
К сладким цветам подлетающий шмель;
Все так знакомо... И песня не новая
Сладко ласкает: «Ты дома, дитя!»
То напевает мне печь изразцовая,
Вторят ей стены, смеясь и шутя.
В теле — истома. Я дома! Давно ли я
Дерзко плясала, раздета, в кругу!
...В душу нисходит опять меланхолия.
Нет! жизнью мирной я жить не могу!
1919

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ

Меж лун искусственных — луна,
Вися на небе, в перспективе,
Вздывается, робка, бледна
И с каждым мигом боязливей.
Внизу, как буйственный бурун,
Прибой людей и экипажей,
И наглое блистанье лун,
Вдоль улиц выставленных стражей;
Таксованных прелестниц смех,
Сухое грассованье франтов,
Боа невероятных мех
И перебои шляп и бантов;
В гостиницах белеет ряд
Оконный, — комнаты, где двое
Пародию любви творят,
Пороча таинство ночное...
А там, вверху, несмелых звезд
Чуть-чуть зубчатый свет — белеет;
Туман, как туника невест,
Кой-где разорванная, веет.
И та ж безмолвная луна,
Свидетельница жертв Ашере,
Висит, глядя, робка, бледна,

На буйства в оскверненном сквере!
Октябрь 1917

ПЕРЕД ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЛАМПОЙ

Злобный змей, зигзагом длинным
Раздевавший темень туч,
Чтоб, гремя, в лесу пустынном
Иль на склоне горных круч,
Ветви, поднятые дубом,
Серным пламенем Зажечь,
И, ликуя, дымным клубом —
Смертным саваном — облечь!
Змей, сносивший с неба, древле,
Прометеев дар земле!
Что таишь ты, стыд ли, гнев ли,
Ныне замкнутый в стекле,—
Сгибы проволоки тонкой
Раскалять покорно там,
Подчинись руке ребенка,
Осужден — в угоду нам.
И, струя лучи из шара,
Ветром зыблем над толпой,
Скрывшей ленту тротуара,
Пестрой, шумной и тупой,—
Чем ты занят? Иль, в причуде

Смутной грезы, веришь ты,
Что вокруг — вес те же люди,
Те же гулы суеты;
Что, как прежде было, сыты
Мясом мамонта, тебя
Славят пляской троглодиты,
Дико космы теребя?
В злобных лицах, в ярых взорах
Ты узнать бы ныне мог
Те же сонмы, для которых
Ты в былом сверкал, как бог.
Иль века виденье стерли,
И теперь, могуч и слаб,
Мыслишь ты: «Не на позор ли
Здесь я выставлен, как раб?»
И, без сил, влеком на угли
Длинным проводом, зигзаг
В небе помнишь ты, — нам друг ли,
Иль, горящий мезтью, враг?
1918

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:
Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;
Говорят, смеются,
Плачут невпопад,—
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;
Все, во всем — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!
Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,
Старше в круге нет.

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей,—
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней,—
Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайноведец сердец;
Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...
Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить;
И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!
Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждется на вас!
Июль 1918

ПРАЗДНИКИ

Ждать в детстве воскресенья,
Дня пасхи, рождества,
Дня именин, рожденья
Иль просто торжества,—
Какое восхищенье,
Когда вся жизнь — нова!
Зажгут в сочельник елку,
Мы раньше, вечерком,
Ее подсмотрим в щелку!
И в масках мы потом
Запляшем, втихомолку
Пугая целый дом!
И будем мы, при бое
Часов, под Новый год,
Записывать простое
Желанье в свой черед...
Зато нам ангел вдвое
Подарков принесет!
На масленой неделе
Кататься мы должны!
И утром чуть с постели,—
Вопрос: когда ж блины?
А голосом свирели

Поют ручьи весны.
Под пасху мать заставит
Нам волоса подстричь,
Но праздник все поправит...
Ах! пасха! ах! кулич!
Пусть вечером слукавит,
Катя яйцо, Лукич!
Но не довольно ль, впрочем,
И именин простых.
Мы поутру бормочем
Свой именинный стих,
А целый день хохочем
Среди друзей своих!
И даже день воскресный,
Когда уроков нет,—
Сияет, как чудесный,
Небесный чистый свет!
Так после влаги пресной
Солдат вином согрет!
Вы, праздники меж будней,—
Как звезды в груди страз!
Чем рок был многотрудней,
Тем слаще вспомнить вас,—
Рубинной, изумрудной
Алмазной, чем алмаз!

16 марта 1918

ДЕТСКАЯ СПЕВКА

На веселой певочке,
В роще, у реки,
Мальчик и две девочки
Говорят стихи.
Это — поздравление
Бабушке: она
Завтра день рождения
Праздновать должна.
Мальчик запевалою
Начинает так:
«Нашу лепту малую
Преданности в знак...»
И сестренки вдумчиво
Оглашают лес,
Вторя: «Детский ум чего
Просит у небес...»
Песенка нескладная
Стоит им труда...
А вблизи, прохладная,
Катится вода.
Рядом — ели острые,
Белизна берез;

Над цветами — пестрые
Крылышки стрекоз.
Реют однодневочки,
Бабочки весны...
Мальчик и две девочки,
Ах, как им смешны!
1918

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.
Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.
Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легшие на роздых...

Вой волков и крики сом,
Не тревожьте детских снов!
1919

СОНЕТЫ

МИГИ

Бывают миги тягостных раздумий,
Когда душа скорбит, утомлена;
И в книжных тайнах, и в житейском шуме
Уже не слышит нового она.
И кажется, что выпит мной до дна
Весь кубок счастья, горя и безумий.
Но, как Эгерия являлась Нуме,—
Мне нимфа предстает светла, ясна.
Моей мечты созданье, в эти миги
Она — живей, чем люди и чем книги,
Ее слова доносятся извне.
И шепчет мне она: «Роптать позорно.
Пусть эта жизнь подобна бездне черной;
Есть жизнь иная в вечной вышине!»
1918

НАРЯД ВЕСНЫ

За годом год, ряды тысячелетий,—
Нет! неисчетных миллионов лет,
Май, воскрешая луговины эти,
Их убирает в травянистый цвет.
Пытливцы видят на иной планете,
Что шар земной в зеленый блеск одет;
Быть может, в гимне там поет поэт:
«Как жизнь чудесна в изумрудном свете!»
Лишь наш привычный взор, утрюм и туп,
Обходит равнодушно зелень куп
И свежесть нив под возрожденной новью;
Наряд весны, мы свыклись в мире с ним;
И изумруд весенних трав багрим,
Во имя призрака, горячей кровью!

1918

НА ПОЛУСТАНКЕ

Гремя, прошел экспресс. У светлых окон
Мелькнули шарфы, пледы, пижама;
Там — резкий блеск пенсне, там — черный
локон,

Там — нежный женский лик, мечта сама!
Лишь дым — за поездом; в снега увлек он
Огни и образы; вокруг — снова тьма...
Блестя в морозной мгле, уже далек он,
А здесь — безлюдье, холод, ночь — нема.
Лишь тень одна стоит на полустанке
Под фонарем; вперед, должно быть, взгляд
Во тьму, но грусть — в безжизненной осан-
ке!

Жить? Для чего? — Встречать товарных
ряд,

Читать роман, где действует Агнесса,
Да снова ждать живых огней экспресса!

16 ноября 1917

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В ИЮЛЕ 1917 ГОДА

*В*** громили памятник Пушкина; в***
артисты отказались играть «На дне».
(Газетное сообщение 1917 г.)*

Не в первый раз мы наблюдаем это:
В толпе опять безумный шум возник,
И вот она, подъявля буйный крик,
Заносит руку на кумир поэта.
Но неизменен, в новых бурях света,
Его спокойный и прекрасный лик;
На вопль детей он не дает ответа,
Задумчив и божественно велик.
И тот же шум вокруг твоих созданий,—
В толпе, забывшей гром рукоплесканий,
С каким она лелеяла «На дне».
И так же образы любимой драмы,
Бессмертные, величественно-прямые,
Стоят над нами в ясной вышине.
17 июля 1917

БЕГЛЕЦЫ

Стон роковой прошел по Риму: «Канны!»
Там консул пал и войска лучший цвет
Полег; в руках врагов — весь юг простран-
ный;

Идти на Город им — преграды нет!
У кораблей, под гнетом горьких бед,
В отчаяньи, в успех не веря бранный,
Народ шумит: искать обетованный
Край за морем — готов, судьбе в ответ.
Но Публий Сципион и Аппий Клавдий
Вдруг предстают, гласят о высшей правде,
О славе тех, кто за отчизну пал.
Смутясь, внимают беглецы укорам,
И с палуб сходят... Это — час, которым
Был побежден надменный Ганнибал!

24 сентября 1917

MEMENTO MORI[1]

Импровизация в кафе «Десятая муза»

14 мая 1918 г

Ища забав, быть может, сатана
Является порой у нас в столице:
Одет изысканно, цветок в петлице,
Рубин в булавке, грудь надушена.
И улица шумит пред ним, пьяна;
Трамваи мчатся длинной вереницей...
По ней читает он, как по странице
Открытой книги, что вся жизнь — гнусна.
Но встретится, в толпе шумливо-тесной,
Он с девушкой, наивной и прелестной,
В чьих взорах ярко светится любовь...
И вспыхнет гнев у дьявола во взоре,
И, исчезая из столицы вновь,
Прошепчет он одно: memento mori!
14 мая 1918

Примечания

Помни о смерти (лат.).

[^^^]